

Об одном переводе автора с птичьего языка на язык человеческий

Доводилось ли вам, любезный читатель, быть очевидцем того, как в царстве птиц и зверей идет самый важный процесс видового отбора — борьба за пищу? Даже если ее уже нашли и присвоили, это еще ничего не значит: всегда найдутся соперники, готовые все отнять.

Конкретным свидетелем такого дележа, который затронул трех черных воронов, в один из июльских дней оказался и я, когда спускался в ложбину Гремячей гривы, где можно было запросто спрятаться от зноя, где шумели вековые березы и сосны, а еще дружно цвел Иван-чай. На него-то, собственно, я и загляделся: буйная картина перелива розовых и красных тонов завораживала. Казалось, на длинные стебли растений, точно шашлык на шампур, нанизали целые гирлянды нежных лепестков, и они дружно пролили свою драгоценную кровь посреди зеленого разнотравья, набравшего к середине лета полный рост.

Настоящая красота, достойная кисти живописца, была внизу, а сверху, на разлапистой сосне, кричала о себе печальная действительность: оттуда нисходили отчаянные вороньи призывы. Обычно ЧП у птиц случаются в конце июня, когда неопытные птенцы пробуют становиться на крыло и нередко срываются из гнезда, не рассчитав неокрепшие силенки. Именно тогда родители поднимают истошный вопль, суетливо бегая вокруг, ковыляя на спичечных ножках, но готовые в любой момент свое чадушко защитить. А здесь-то что стряслось?

И как только я отыскал источник галдежа, все сразу стало ясно: добычу не поделили. Чуть ниже ворона, который клевал на ветке нечто лакомое, действовал при этом усердно, не обращая внимания на критику сверху, торчал его собрат. Такой же черный, как деготь, он буквально изводил себя от непрерывной истерики: «Кар-р-р!». Чувствовалось, что голос у ворона молодой, еще не загрубевший с возрастом и прочими издержками лесной и не всегда, должно быть, сытой жизни. Я не знаю птичий язык, но смысл уловил: «Поделись!».

Третьим в этой верховой компании был еще один сородич, и тоже возрастной, поскольку его недовольство сводилось к очень редким и приглушенным ремаркам ворчливо-философского типа: «Ка-а-а!». Ничего красноречивее птица высказать уже не могла, наблюдая за тем, как прямо на глазах исчезала обеденная порция, которой и она, вообще-то, могла бы обладать. Стоя на земле, неописуемый восторг в бусинках ворона-победителя я мог лишь представлять.

Мне вспомнилась пословица: «Ворон ворону глаз не выклюет», оставалось только подивиться мудрости народной, а самому двигаться дальше.

В тот день я долго бродил по Гремячей гриве: восседал на сопке, потом спустился в Черемуховый лог, но везде звучал в ушах отчаянный вороний призыв: «Поделись!».

Николай ЮРЛОВ